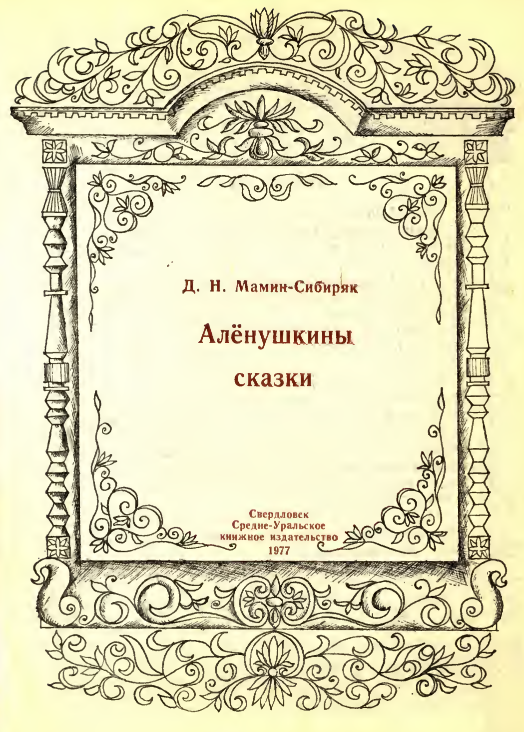

Д. Н. Мамин-Сибиряк

АЛЁНУШКИНЫ СКАЗКИ

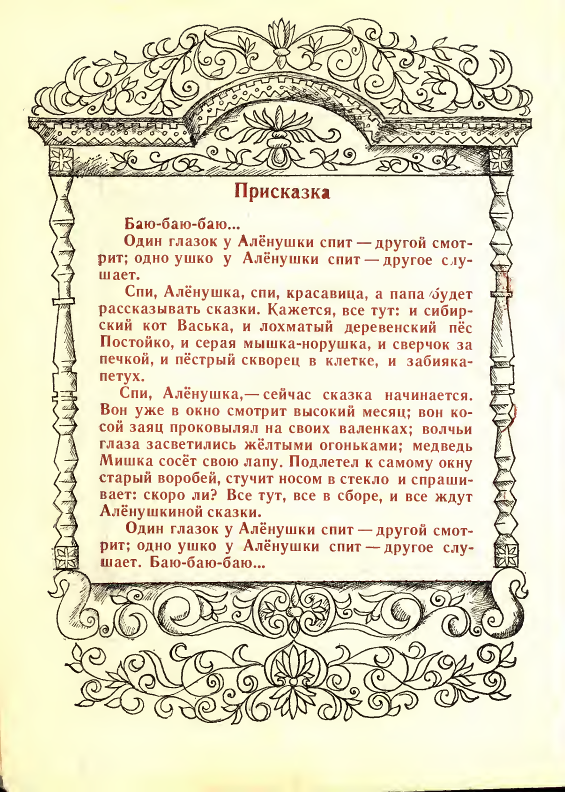
Свердловск
Средне-Уральское книжное издательство
1977

Д. Н. Мамин-Сибиряк

Алёнушкины сказки

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1977

Присказка

Баю-баю-баю...

Один глазок у Алёнушки спит — другой смотрит; одно ушко у Алёнушки спит — другое слушает.

Спи, Алёнушка, спи, красавица, а папа будет рассказывать сказки. Кажется, все тут: и сибирский кот Васька, и лохматый деревенский пёс Постойко, и серая мышка-норушка, и сверчок за печкой, и пёстрый скворец в клетке, и забияка-петух.

Спи, Алёнушка,— сейчас сказка начинается. Вон уже в окно смотрит высокий месяц; вон косой заяц проковылял на своих валенках; волчьи глаза засветились жёлтыми огоньками; медведь Мишка сосёт свою лапу. Подлетел к самому окну старый воробей, стучит носом в стекло и спрашивает: скоро ли? Все тут, все в сборе, и все ждут Алёнушкиной сказки.

Один глазок у Алёнушки спит — другой смотрит; одно ушко у Алёнушки спит — другое слушает. Баю-баю-баю...

Сказка про храброго зайца Длинные Уши, Косые Глаза, Короткий Хвост

Родился зайчик в лесу и всего боялся. Треснет где-нибудь сучок, вспорхнёт птица, упадёт с дерева ком снега — у зайчика душа в пятки.

Боялся зайчик день, боялся два, боялся неделю, боялся год, а потом вырос он большой, и вдруг надоело ему бояться.

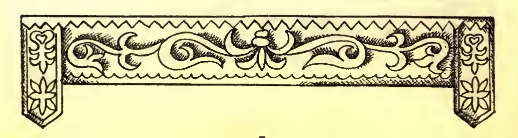
— Никого я не боюсь!— крикнул он на весь лес.— Вот не боюсь нисколько, и всё тут!

Собрались старые зайцы, сбежались маленькие зайчата, приплелись старые зайчихи — все слушают, как хвастается заяц Длинные Уши, Косые Глаза, Короткий Хвост,— слушают и своим собственным ушам не верят. Не было ещё, чтобы заяц не боялся никого.

— Эй ты, Косой Глаз, ты и волка не боишься?

— И волка не боюсь, и лисицы, и медведя — никого не боюсь.

Это уж выходило совсем забавно. Хихикнули молодые зайчата, прикрыв мордочки передними лапками, засмеялись добрые старушки-зайчихи, улыбнулись даже старые зайцы, побы-

вавшие в лапах у лисы и отведавшие волчьих зубов. Очень уж смешной заяц! Ах, какой смешной!.. И всем вдруг сделалось весело.

Начали кувыркаться, прыгать, скакать, перегонять друг друга, точно все с ума сошли.

— Да что тут долго говорить! — кричал расхрабрившийся окончательно заяц.— Ежели мне попадётся волк, так я его сам съем...

Ах, какой смешной заяц! Ах, какой он глупый!..

Все видят, что и смешной и глупый, и все смеются.

Кричат зайцы про волка, а волк — тут как тут.

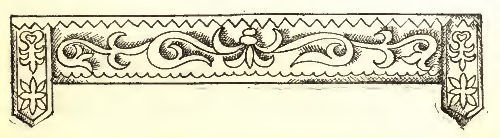
Ходил он, ходил в лесу по своим волчьим делам, проголодался и только подумал: «Вот бы хорошо зайчиком закусить!», как слышит, что где-то совсем близко зайцы кричат и его, серого волка, поминают. Сейчас он остановился, понюхал воздух и начал подкрадываться.

Совсем близко подошёл волк к разыгравшимся зайцам, слышит, как они над ним смеются, а всех больше — хвастун-заяц Косые Глаза, Длинные Уши, Короткий Хвост.

«Э, брат, погоди, вот тебя-то я и съем!» — подумал серый волк и начал выглядывать, который заяц хвастается своей храбростью.

А зайцы ничего не видят и веселятся пуше прежнего.

Кончилось тем, что хвастун-заяц взобрался на пенёк, уселся на задние лапки и заговорил:

— Слушайте, вы, трусы! Слушайте и смотрите на меня! Вот я сейчас покажу вам одну штуку. Я...я...я....

Тут язык у хвастуна точно примёрз. Заяц увидел глядевшего на него волка.

Другие не видели, а он видел и не смел дохнуть.

Дальше случилась совсем необыкновенная вещь.

Заяц-хвастун подпрыгнул кверху, точно мячик, и со страху упал прямо на широкий волчий лоб, кубарем покатился по волчьей спине, перевернулся ещё раз в воздухе и потом задал такого стрекача, что, кажется, готов был выскочить из собственной кожи.

Долго бежал несчастный зайчик, бежал, пока совсем не выбился из сил.

Ему всё казалось, что волк гонится по пятам и вот-вот схватит его своими зубами.

Наконец совсем обессилел бедняга, закрыл глаза и замертво свалился под куст.

А волк в это время бежал в другую сторону. Когда заяц упал на него, ему показалось, что кто-то в него выстрелил.

И волк убежал. Мало ли в лесу других зайцев можно найти, а это был какой-то бешеный.

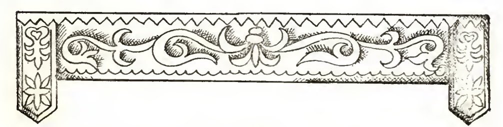
Долго не могли прийти в себя остальные зайцы. Кто удрал в кусты, кто спрятался за пенёк, кто завалился в яму.

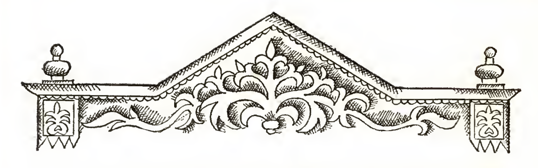
Наконец надоело всем прятаться, и начали понемногу выглядывать, кто похрабрее.

2 Заказ 700

— А ловко напугал волка наш заяц! — решили все.— Если бы не он, так не уйти бы нам живыми. Да где же он, наш бесстрашный заяц?

Начали искать.

Ходили, ходили — нет нигде храброго зайца. Уж не съел ли его другой волк? Наконец-таки нашли: лежит в ямке под кустиком и еле жив от страха.

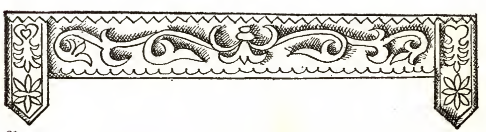
— Молодец, Косой! — закричали все зайцы в один голос.— Ай да Косой!.. Ловко ты напугал старого волка. Спасибо, брат! А мы думали, что ты хвастаешь.

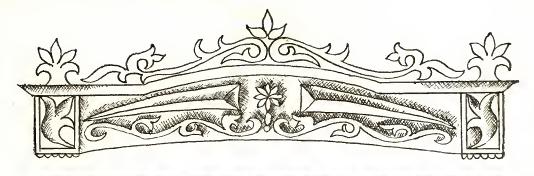
Храбрый заяц сразу приободрился. Вылез из своей ямки, встряхнулся, прищурил глаза и проговорил:

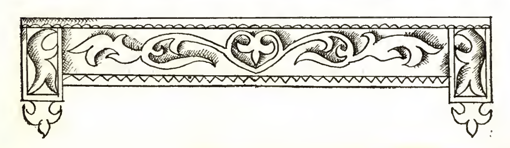
— А вы бы как думали! Эх вы, трусы!..

С этого дня храбрый заяц начал сам верить, что он действительно никого не боится.

Сказка про Комара Комаровича Длинный Нос и про Мохнатого Мишу Короткий Хвост

Это случилось в самый полдень, когда все комары спрятались от жары в болото. Комар Комарович Длинный Нос прикорнул под широкий лист и заснул. Спит и слышит отчаянный крик:

— Ой, батюшки!.. Ой, карраул!..

Комар Комарович выскочил из-под листа и тоже закричал:

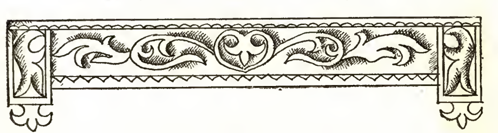
— Что случилось?.. Что вы орёте?

А комары летают, жужжат, пищат — ничего разобрать нельзя.

— Ой, батюшки! Пришёл в наше болото медведь и завалился спать. Как лёг в траву, так сейчас же задавил пятьсот комаров; как дохнул — проглотил целую сотню. Ой, беда, братцы! Мы едва унесли от него ноги, а то всех бы передавил...

Комар Комарович Длинный Нос сразу рассердился, рассердился и на медведя и на глупых комаров, которые пищали без толку.

— Эй вы, перестаньте пищать! — крикнул он.— Вот я сей-

час пойду и прогоню медведя... Очень просто! А вы орёте только напрасно.

Ещё сильнее рассердился Комар Комарович и полетел. Действительно, в болоте лежал медведь. Забрался в самую густую траву, где комары жили с испокон веку, развалился и носом сопит, только свист идёт, точно на трубе играет. Вот бессовестная тварь! Забрался в чужое место, погубил напрасно столько комариных душ, да ещё спит так сладко!

— Эй, дядя, ты это куда забрался? — закричал Комар Комарович на весь лес, да так громко, что даже самому сделалось страшно.

Мохнатый Миша открыл один глаз — никого не видно, открыл другой глаз — едва рассмотрел, что летает комар над самым его носом.

— Тебе что нужно, приятель? — заворчал Миша и тоже начал сердиться: «Как же, только расположился отдохнуть, а тут какой-то негодяй пищит».

— Эй, уходи подобру-поздорову, дядя!..

Миша открыл оба глаза, посмотрел на нахала, фукнул носом и окончательно рассердился.

— Да что тебе нужно, негодная тварь? — зарычал он.

— Уходи из нашего места, а то я шутить не люблю... Вместе с шубой тебя съем.

Медведю сделалось смешно. Перевалился он на другой бок, закрыл морду лапой и сейчас же захрапел.

Полетел Комар Комарович обратно к своим комарам и трубит на всё болото:

— Ловко я напугал Мохнатого Мишку... В другой раз не придёт.

Подивились комары и спрашивают:

— Ну а сейчас-то медведь где?

— А не знаю, братцы. Сильно струсил, когда я ему сказал, что съем, если не уйдёт. Ведь я шутить не люблю, а так прямо и сказал: «Съем». Боюсь, как бы он не околел со страху, пока я к вам летаю... Что же, сам виноват!

Запищали все комары, зажужжали и долго спорили: как им быть с невежей-медведем.

Никогда ещё в болоте не было такого страшного шума. Пищали, пищали комары и решили выгнать медведя из болота.

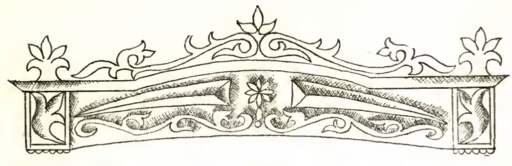
— Пусть идёт к себе домой, в лес, там и спит. А болото наше... Ещё отцы и деды наши вот ещё в этом самом болоте жили.

Одна благоразумная старушка Комариха посоветовала было оставить медведя в покое: пусть его полежит, а когда выспится, сам уйдёт; но на неё все так накинулись, что бедная едва успела спрятаться.

— Идём, братцы! — кричал больше всех Комар Комарович.— Мы ему покажем... да!..

Полетели комары за Комаром Комаровичем. Летят и пи-

щат, даже самим страшно делается. Прилетели, смотрят, а медведь лежит и не шевелится.

— Ну, я так и говорил: умер бедняга со страху! — хвастался Комар Комарович.— Даже жаль немножко, вон какой здоровый медведище.

— Да он спит, братцы! — пропищал маленький комаришка, подлетевший к самому медвежьему носу и чуть не втянутый туда, как в форточку.

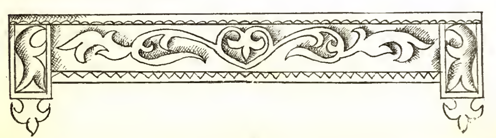
— Ах, бесстыдник! Ах, бессовестный! — запищали все комары разом и подняли ужасный гвалт.— Пятьсот комаров задавил, сто комаров проглотил и сам спит как ни в чём не бывало...

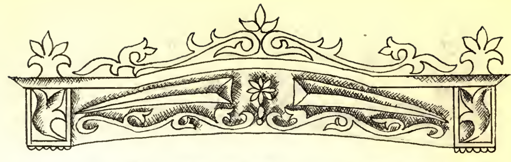
А Мохнатый Миша спит себе да носом посвистывает.

— Он притворяется, что спит! — крикнул Комар Комарович и полетел на медведя.— Вот я ему сейчас покажу... Эй, дядя, будет притворяться!

Как налетит Комар Комарович, как вопьётся своим длинным носом прямо в чёрный медвежий нос,— Миша так и вскочил. Хвать лапой по носу, а Комара Комаровича как не бывало.

— Что, дядя, не понравилось? — пищит Комар Комарович.— Уходи, а то хуже будет... Я теперь не один Комар Комарович Длинный Нос, а прилетели со мной и дедушка Комарище Длинный Носище, и младший брат Комаришка Длинный Носишка! Уходи, дядя!

— А я не уйду! — закричал медведь, усаживаясь на задние лапы.— Я вас всех передавлю!

— Ой, дядя, напрасно хвастаешь...

Опять полетел Комар Комарович и впился медведю прямо в глаз. Заревел медведь от боли, хватил себя лапой по морде, и опять в лапе ничего, только чуть глаз себе не вырвал когтем. А Комар Комарович вьётся над самым медвежьим ухом и пищит:

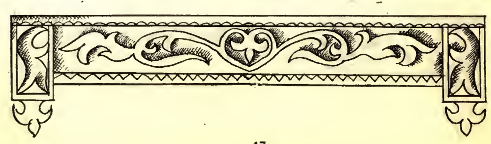
— Я тебя съем, дядя!..

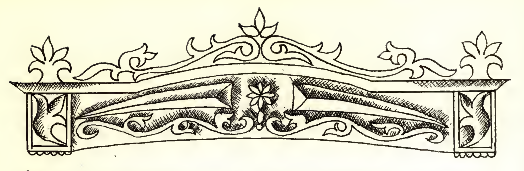
Рассердился окончательно Миша. Выворотил он вместе с корнем целую берёзу и принялся колотить ею комаров. Так и ломит со всего плеча... Бил, бил, даже устал, а ни одного убитого комара нет — все вьются над ним и пищат. Тогда ухватил Миша тяжёлый камень и запустил им в комаров,— опять толку нет.

— Что, взял, дядя? — пищал Комар Комарович.— А я тебя всё-таки съем...

Долго ли, коротко ли сражался Миша с комарами, только шуму было много. Далеко был слышен медвежий рёв. А сколько он деревьев вырвал, сколько камней выворотил!.. Всё ему хотелось зацепить первого Комара Комаровича: ведь вот тут, над самым ухом, вьётся, а хватит медведь лапой — и опять ничего, только всю морду себе в кровь исцарапал.

Обессилел, наконец, Миша. Присел он на задние лапы,

фыркнул и придумал новую штуку — давай кататься по траве, чтобы передавить всё комариное царство. Катался, катался Миша, однако из этого ничего не вышло, а только ещё больше устал он. Тогда медведь спрятал морду в мох — вышло того хуже. Комары вцепились в медвежий хвост. Окончательно рассвирепел медведь.

— Постойте, вот я вам задам! — ревел он так, что за пять вёрст было слышно.— Я вам покажу штуку... Я...я...я...

Отступили комары и ждут, что будет. А Миша на дерево вскарабкался, как акробат, засел на самый толстый сук и ревёт:

— Ну-ка, подступитесь теперь ко мне... Всем носы пообломаю!

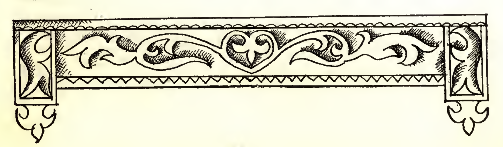
Засмеялись комары тонкими голосами и бросились на медведя уже всем войском. Пищат, кружатся, лезут... Отбивался, отбивался Миша, проглотил нечаянно штук сто комариного войска, закашлялся да как сорвётся с сука, точно мешок... Однако поднялся, почесал ушибленный бок и говорит:

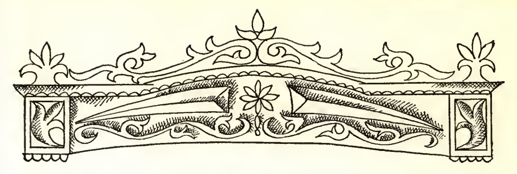
— Ну что, взяли? Видели, как я ловко с дерева прыгаю?

Ещё тоньше засмеялись комары, а Комар Комарович так и трубит:

— Я тебя съем... Я тебя съем...съем...съем!

Изнемог окончательно медведь, выбился из сил, а уходить из болота стыдно. Сидит он на задних лапах и только глазами моргает.

Выручила его из беды лягушка. Выскочила из-под кочки, присела на задние лапки и говорит:

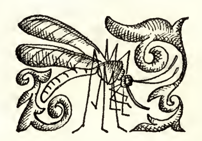
— Охота вам, Михайло Иванович, беспокить себя напрасно? Не обращайте вы на этих дрянных комаришек внимания. Не стоит.

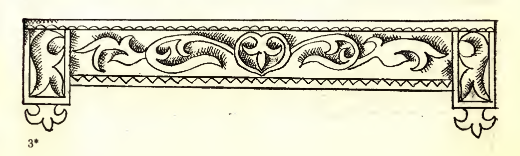
— И то не стоит,— обрадовался медведь.— Я это так... Пусть-ка они ко мне в берлогу придут, да я... я...

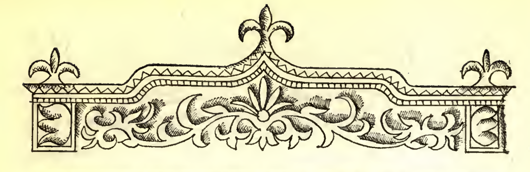
Как повернётся Миша, как побежит из болота, а Комар Комарович Длинный Нос летит за ним, летит и кричит:

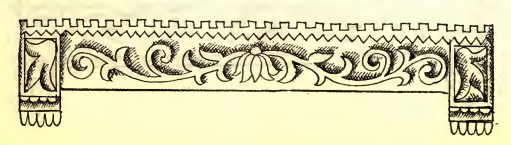
— Ой, братцы, держите! Убежит медведь... Держите!

Собрались все комары, посоветовались и решили: «Не стоит! Пусть его уходит — ведь болото-то осталось за нами!»

Сказка про Воробья Воробеича, Ерша Ершовича и весёлого трубочиста Яшу

Воробей Воробеич и Ёрш Ершович жили в большой дружбе. Каждый день летом Воробей Воробеич прилетал к речке и кричал:

— Эй, брат, здравствуй!.. Как поживаешь?

— Ничего, живём помаленьку,— отвечал Ёрш Ершович.— Иди ко мне в гости. У меня, брат, хорошо в глубоких местах. Вода стоит тихо, всякой водяной травки сколько хочешь. Угощу тебя лягушачьей икрой, червячками, водяными козявками.

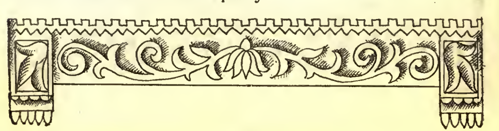
— Спасибо, брат! С удовольствием пошёл бы я к тебе в гости, да воды боюсь. Лучше уж ты прилетай ко мне в гости на крышу... Я тебя, брат, ягодами буду угощать — у меня целый сад, а потом раздобудем и корочку хлебца, и овса, и сахару, и живого комарика. Ты ведь любишь сахар?

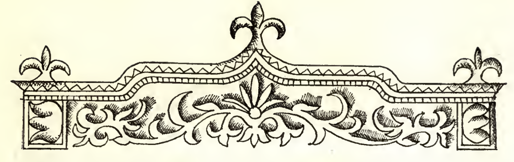
— Какой он?

— Белый такой...

— Как у нас гальки в реке?

— Ну вот. А возьмёшь в рот — сладко. Твою гальку не съешь. Полетим сейчас на крышу?

— Нет, я не умею летать, да и задыхаюсь на воздухе. Вот лучше на воде поплаваем вместе. Я тебе всё покажу.

Воробей Воробеич пробовал заходить в воду — по колена зайдёт, а дальше страшно делается. Так-то и утонуть можно! Напьётся Воробей Воробеич светлой речной водицы, а в жаркие дни покупается где-нибудь на мелком месте, почистит пёрышки — и опять к себе на крышу. Вообще жили они дружно и любили поговорить о разных делах.

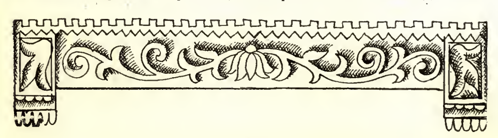
— Как это тебе не надоест в воде сидеть? — часто удивлялся Воробей Воробеич.— Мокро в воде, ещё простудишься...

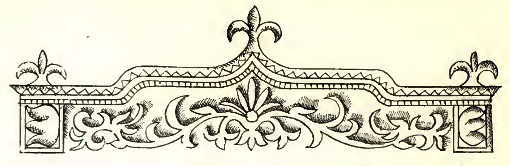
Ёрш Ершович удивлялся в свою очередь:

— Как тебе, брат, не надоест летать? Вот как жарко бывает на солнышке: как раз задохнёшься. А у меня всегда прохладно. Плавай себе сколько хочешь. Небось, летом все ко мне в воду лезут купаться... А на крышу кто к тебе пойдёт?

— Ещё как ходят, брат!.. У меня есть большой приятель, трубочист Яша. Он постоянно ко мне приходит. И весёлый такой трубочист — всё песни поёт. Чистит трубы, а сам напевает. Да ещё присядет на самый конёк отдохнуть, достанет хлебца, закусывает, а я крошки подбираю. Душа в душу живём. Я ведь тоже люблю повеселиться...

У друзей и неприятности были почти одинаковые. Например, зима. Как зяб бедный Воробей Воробеич! Ух, какие холодные дни бывали! Кажется, вся душа готова вымерзнуть. Нахохлится Воробей Воробеич, подберёт под себя ноги да и си-

дит. Одно только спасенье — забраться куда-нибудь в трубу и немного погреться. Но и тут беда.

Раз Воробей Воробеич чуть-чуть не погиб благодаря своему лучшему другу — трубочисту. Пришёл трубочист да как спустит в трубу свою чугунную гирю с помелом — чуть-чуть голову не проломил Воробью Воробеичу. Выскочил он из трубы весь в саже, хуже трубочиста, и сейчас браниться:

— Ты это что же, Яша, делаешь-то? Ведь этак можно и до смерти убить...

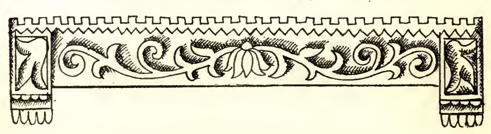
— А я почём же знал, что ты в трубе сидишь? А будь вперёд осторожнее... Если бы я тебя чугунной гирей по голове стукнул — разве это хорошо?

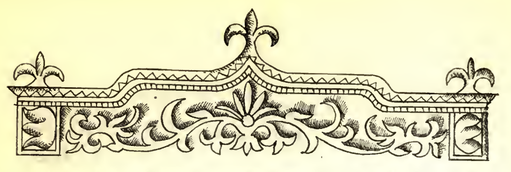
Ершу Ершовичу тоже по зимам приходилось не сладко. Он забирался куда-нибудь поглубже в омут и там дремал по целым дням. И темно, и холодно, и не хочется шевелиться. Изредка он подплывал к проруби, когда звал Воробей Воробеич. Подлетит к проруби воды напиться и крикнет:

— Эй, Ёрш Ершович, жив ли ты?

— Жив,— сонным голосом откликается Ёрш Ершович.— Только всё спать хочется. Вообще скверно. У нас все спят.

— И у нас тоже не лучше, брат! Что делать, приходится терпеть... Ух, какой злой ветер бывает!.. Тут, брат, не заснёшь... Я всё на одной ножке прыгаю, чтобы согреться. А люди смотрят и говорят: «Посмотрите, какой весёленький воробышек!» Ах, только бы дождаться тепла! Да ты уж опять, брат, спишь?

А летом опять свои неприятности. Раз ястреб версты две гнался за Воробьём Воробеичем, и тот едва успел спрятаться в речной осоке.

— Ох, едва жив ушёл! — жаловался он Ершу Ершовичу, едва переводя дух.— Вот разбойник-то!.. Чуть-чуть не сцапал, а там бы поминай как звали.

— Это вроде нашей щуки,— утешал Ёрш Ершович.— Я тоже недавно чуть-чуть не попал ей в пасть. Как бросится за мной, точно молния. А я выплыл с другими рыбками и думал, что в воде лежит полено, а как это полено бросится за мной... Для чего эти щуки водятся? Удивляюсь и не могу понять...

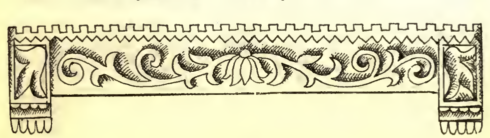
— И я тоже... Знаешь, мне кажется, что ястреб когда-нибудь был щукой, а щука — ястребом. Одним словом — разбойники.

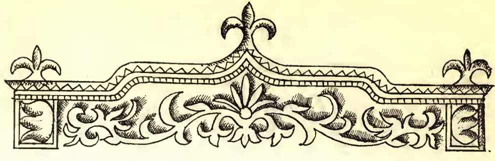
Да, так жили да поживали Воробей Воробеич и Ёрш Ершович, зябли по зимам, радовались летом, а весёлый трубочист Яша чистил свои трубы и попевал песенки. У каждого своё дело, свои радости и свои огорчения.

Однажды летом трубочист кончил свою работу и пошёл к речке смыть с себя сажу. Идёт да посвистывает, а тут слышит — страшный шум. Что такое случилось? А над рекой птицы так и вьются: и утки, и гуси, и ласточки, и бекасы, и вороны, и голуби. Все шумят, орут, хохочут — ничего не разберёшь.

— Эй вы, что случилось? — крикнул трубочист.

— А вот и случилось...— чиликнула бойкая синичка.— Так

смешно... так смешно!.. Посмотри, что наш Воробей Воробеич делает... Совсем взбесился.

Синичка засмеялась тоненьким-тоненьким голоском, вильнула хвостиком и взвилась над рекой.

Когда трубочист подошёл к реке, Воробей Воробеич так и налетел на него. А сам страшный такой: клюв раскрыт, глаза горят, все пёрышки стоят дыбом.

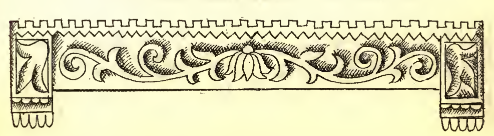
— Эй, Воробей Воробеич, ты это что, брат, шумишь тут? — спросил трубочист.

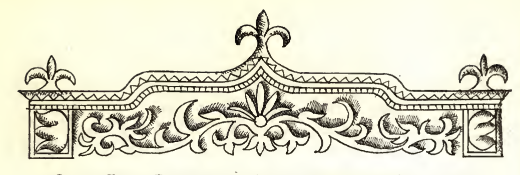
— Нет, я ему покажу! — орал Воробей Воробеич, задыхаясь от ярости. — Он ещё не знает, каков я. Я ему покажу, проклятому Ершу Ершовичу! Он будет меня поминать, разбойник...

— Не слушай его! — крикнул трубочисту из воды Ёрш Ершович. — Всё-то он врёт.

— Я вру? — орал Воробей Воробеич. — А кто червяка нашёл? Я вру! Жирный такой червяк! Я его на берегу выкопал... Сколько трудился... Ну, схватил его и тащу домой, в своё гнездо. У меня семейство... должен я корм носить... Только вспорхнул с червяком над рекой, а проклятый Ёрш Ершович — чтобы его щука проглотила! — как крикнет: «Ястреб!» Я со страху крикнул, червяк упал в воду, а Ёрш Ершович его и проглотил... Это называется врать? И ястреба никакого не было...

— Что же, я пошутил, — оправдывался Ёрш Ершович. — А червяк действительно был вкусный.

Около Ерша Ершовича собралась всякая рыба: плотва, караси, окуни, малявки,— слушают и смеются. Да, ловко пошутил Ёрш Ершович над старым приятелем! И ещё смешнее, как Воробей Воробеич вступил в драку с ним. Так и налетает, так и налетает, а взять ничего не может.

— Подавись ты моим червяком! — бранился Воробей Воробеич.— Я другого себе выкопаю... А обидно то, что Ёрш Ершович обманул меня и надо мной же ещё смеётся. А я его ещё к себе на крышу звал... Хорош приятель, нечего сказать! Вот и трубочист Яша то же скажет... Мы с ним тоже дружно живём и даже вместе закусываем иногда: он ест — я крошки подбираю.

— Постойте, братцы, это самое дело нужно рассудить,— заявил трубочист.— Дайте только мне сначала умыться. Я разберу ваше дело по совести. А ты, Воробей Воробеич, пока немного успокойся...

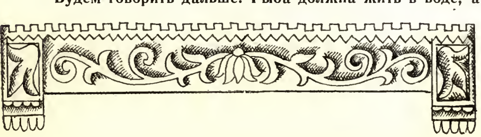
— Моё дело правое, что же мне беспокоиться! — орал Воробей Воробеич.— А только я покажу Ершу Ершовичу, как со мной шутки шутить...

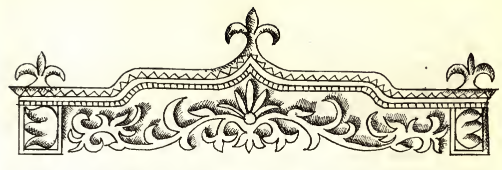
Трубочист присел на бережок, положил рядом на камешек узелок со своим обедом, вымыл руки и лицо и проговорил:

— Ну, братцы, теперь будем суд судить. Ты, Ёрш Ершович,— рыба, а ты, Воробей Воробеич,— птица. Так я говорю?

— Так! Так!..— закричали все: и птицы и рыбы.

— Будем говорить дальше! Рыба должна жить в воде, а

птица — в воздухе. Так я говорю? Ну, вот... А червяк, например, живёт в земле. Хорошо. Теперь смотрите...

Трубочист развернул свой узелок, положил на камень кусок ржаного хлеба, из которого состоял его обед, и проговорил:

— Вот смотрите: что это такое? Это — хлеб. Я его заработал и я его съем; съем и водицей запью. Так? Значит, пообедаю и никого не обижу. Рыба и птица тоже хочет пообедать... У вас, значит, своя пища. Зачем ссориться? Воробей Воробеич откопал червячка, значит, он его заработал, значит, червяк его...

— Позвольте, дяденька...— послышался в толпе птиц тоненький голосок.

Птицы раздвинулись и пустили вперёд бекасика-песочника, который подошёл к трубочисту на своих тоненьких ножках.

— Дяденька, это неправда.

— Что неправда?

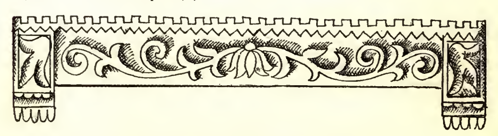
— Да червячка-то ведь я нашёл. Вон спросите уток — они видели. Я его нашёл, а Воробей налетел и украл.

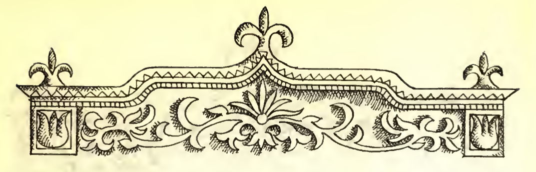
Трубочист смутился. Выходило совсем не то.

— Как же это так?..— бормотал он, собираясь с мыслями.— Эй, Воробей Воробеич, ты это что же, в самом деле, обманываешь?

— Это не я вру, а бекас врёт. Он сговорился с утками...

— Что-то не того, брат... гм... да! Конечно, червячок — пустяки, а только вот нехорошо красть. А кто украл, тот должен врать... Так я говорю? Да...

— Верно! Верно! — хором крикнули опять все.— А ты всё-таки рассуди Ерша Ершовича с Воробьём Воробеичем! Кто у них прав? Оба шумели, оба дрались и подняли всех на ноги.

— Кто прав? Ах вы, озорники, Ёрш Ершович и Воробей Воробеич! Право, озорники. Я обоих вас и накажу для примера... Ну, живо миритесь, сейчас же!

— Верно! — крикнули все хором.— Пусть помирятся...

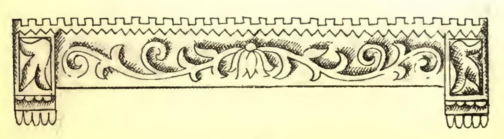
— А бекасика-песочника, который трудился, добывая червячка, я накормлю крошками,— решил трубочист.— Все и будут довольны...

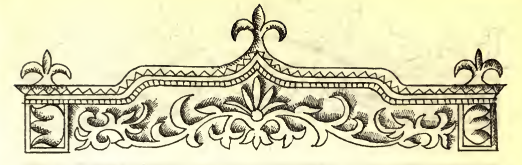
— Отлично! — опять крикнули все.

Трубочист уже протянул руку за хлебом, а его и нет. Пока трубочист рассуждал, Воробей Воробеич успел его стащить.

— Ах, разбойник! Ах, плут! — возмутились все рыбы и все птицы.

И все бросились в погоню за вором. Краюшка была тяжёлая, и Воробей Воробеич не мог далеко улететь с ней. Его догнали как раз над рекой. Бросились на вора большие и малые птицы. Произошла настоящая свалка. Все так и рвут, только крошки летят в реку, а потом и краюшка полетела тоже в реку. Тут схватились за неё рыбы. Началась драка между рыбами и птицами. В крошки растерзали краюшку и все крошки съели. Ничего не осталось от краюшки. Когда краюшка была съедена, все опомнились и всем сделалось совестно. Гнались за вором-воробьём, да по пути краденую краюшку и съели.

А весёлый трубочист Яша сидит на бережку, смотрит и смеётся. Уж очень смешно всё вышло... Все убежали от него, остался один только бекасик-песочник.

— А что же ты не летишь за всеми? — спрашивает трубочист.

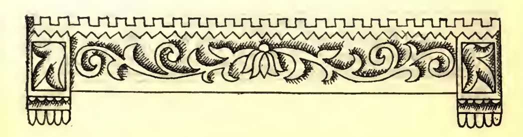
— И я полетел бы, да ростом мал, дяденька. Как раз большие птицы заклюют...

— Ну, вот так-то лучше будет, бекасик. Оба остались мы с тобой без обеда. Видно, мало ещё поработали.

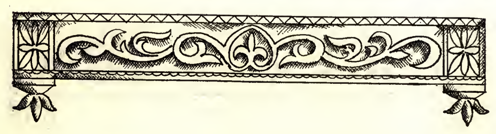
Пришла Алёнушка на бережок, стала спрашивать весёлого трубочиста Яшу, что случилось, и тоже смеялась.

— Ах, какие они все глупые, и рыбки и птички! А я бы разделила всё — и червячка и краюшку, и никто бы не ссорился. Недавно я разделила четыре яблока... Папа приносит четыре яблока и говорит: «Раздели пополам мне и Лизе». Я и разделила на три части: одно яблоко дала папе, другое — Лизе, а два взяла себе.

Сказка про Воронушку — чёрную головушку и жёлтую птичку Канарейку

Сидит Ворона на берёзе и хлопает носом по сучку: хлоп-хлоп. Вычистила нос, оглянулась кругом да как каркнет:

— Карр... Карр!..

Дремавший на заборе кот Васька чуть не свалился со страху и начал ворчать:

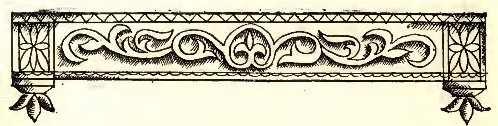
— Эк тебя взяло, чёрная голова! Даст же бог такое горлышко!.. Чему обрадовалась-то?

— Отстань! Некогда мне, разве не видишь? Ах, как некогда!.. Карр-карр-карр!.. И всё-то дела да дела.

— Умаялась, бедная! — засмеялся Васька.

— Молчи, лежебок! Ты вот все бока пролежал, только и знаешь, что на солнышке греться, а я-то с утра покоя не знаю: на десяти крышах посидела, полгорода облетела, все уголки и закоулки осмотрела. А ещё вот надо на колокольню слетать, на рынке побывать, в огородах покопать... Да что я с тобой даром время теряю — некогда мне. Ах, как некогда!

Хлопнула Ворона в последний раз носом по сучку, встрепенулась и только что хотела вспорхнуть, как услышала страш-

ный крик. Неслась стая воробьёв, а впереди летела какая-то маленькая жёлтенькая птичка.

— Братцы, держите её! Ой, держите! — пищали воробьи.

— Что такое? Куда? — крикнула Ворона, бросаясь за воробьями.

Взмахнула Ворона крыльями раз десяток и догнала воробьиную стаю. Жёлтенькая птичка выбилась из последних сил и бросилась в маленький садик, где росли кусты сирени, смородины и черёмухи. Она хотела спрятаться от гнавшихся за ней воробьёв.

Забилась жёлтенькая птичка под куст, а Ворона — тут как тут.

— Ты кто такая будешь? — каркнула она.

Воробьи так и обсыпали куст, точно кто бросил горсть гороха.

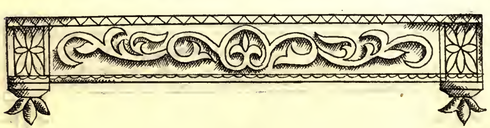
Они озлились на жёлтенькую птичку и хотели её заклевать.

— За что вы её обижаете? — спрашивала Ворона.

— А зачем она жёлтая? — запищали разом все воробьи.

Ворона посмотрела на жёлтенькую птичку: действительно, вся жёлтая,— мотнула головой и проговорила:

— Ах вы, озорники!.. Ведь это совсем не птица!.. Разве такие птицы бывают! А впрочем, убирайтесь-ка... Мне надо поговорить с этим чудом. Она только притворяется птицей.

Воробьи запищали, затрещали, озлились ещё больше, а делать нечего — надо убираться. Разговоры с Вороной коротки: так хватит носищем, что и дух вон.

Разогнав воробьёв, Ворона начала допытывать жёлтенькую птичку, которая тяжело дышала и так жалобно смотрела своими чёрными глазками.

— Кто ты такая будешь? — спрашивала Ворона.

— Я Канарейка...

— Смотри, не обманывай, а то плохо будет. Кабы не я, так воробьи заклевали бы тебя...

— Право, я — Канарейка.

— Откуда ты взялась?

— Я жила в клетке... В клетке и родилась, и выросла, и жила. Мне всё хотелось полетать, как другие птицы. Клетка стояла на окне, и я всё смотрела на других птичек... Так им весело было, а в клетке так тесно. Ну, девочка Алёнушка принесла чашечку с водой, отворила дверку, а я и вырвалась. Летала, летала по комнате, а потом в форточку и вылетела.

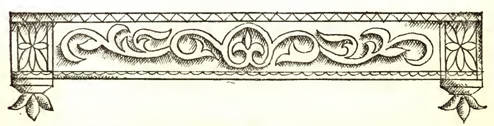
— Что же ты делала в клетке?

— Я хорошо пою.

— Ну-ка, спой.

Канарейка спела. Ворона наклонила голову набок и удивилась:

— Ты это называешь пением? Ха-ха!.. Глупые же были

твои хозяева, если кормили за такое пение. Если бы уж кого кормить, так настоящую птицу, как, например, меня. Давеча каркнула, так плут Васька чуть с забора не свалился. Вот это пение!..

— Я знаю Ваську... Самый страшный зверь. Он столько раз подбирался к нашей клетке. Глаза зелёные, так и горят, выпустит когти...

— Ну, кому страшен, а кому и нет. Плут он большой, это верно, а страшного ничего нет. Ну, да об этом поговорим потом... А мне всё-таки не верится, что ты настоящая птица.

— Право, тётенька, я птица, совсем птица. Все канарейки — птицы...

— Хорошо, хорошо, увидим... А вот как ты жить будешь?

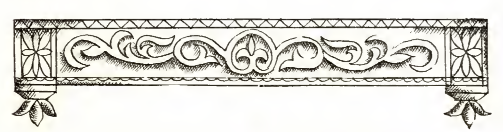
— Мне немного нужно: несколько зёрнышек, сахару кусочек, сухарик — вот и сыта.

— Ишь, какая барыня! Ну, без сахару ещё обойдёшься, а зёрнышек как-нибудь добудешь. Вообще, ты мне нравишься. Хочешь жить вместе? У меня на берёзе — отличное гнездо.

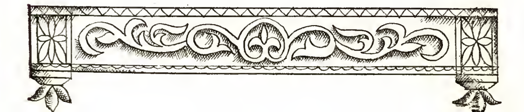
— Благодарю. Только вот воробьи...

— Будешь со мной жить, так никто не посмеет пальцем тронуть. Не то что воробьи, а и плут Васька знает хорошо мой характер. Я не люблю шутить...

Канарейка сразу ободрилась и полетела вместе с Вороной.

Что же, гнездо отличное, если бы ещё сухарик да сахару кусочек.

Стала Ворона с Канарейкой жить да поживать в одном гнезде. Ворона хоть и любила иногда поворчать, но была птица не злая.

Главным недостатком в её характере было то, что она всем завидовала, а себя считала обиженной.

— Ну чем лучше меня глупые куры? А их кормят, за ними ухаживают, их берегут,— жаловалась она Канарейке.— Тоже вот взять голубей — какой от них толк? А нет-нет, и бросят им горсточку овса. Тоже глупая птица... А чуть я подлечу, меня сейчас же все и начинают гнать в три шеи. Разве это справедливо? Да ещё бранят вдогонку: «Эх ты, ворона!..» А ты заметила, что я получше других буду, да и покрасивее?.. Положим, про себя этого не приходится говорить, а заставляют сами. Не правда ли?

Канарейка соглашалась со всем.

— Да, ты большая птица...

— Вот то-то и есть. Держат же попугаев в клетках, ухаживают за ними, а чем попугай лучше меня?.. Так, самая глупая птица. Только и знает, что орать да бормотать, а никто понять не может, о чём бормочет. Не правда ли?

— Да, у нас тоже был попугай и страшно всем надоедал.

— Да мало ли других птиц наберётся, которые и живут неизвестно зачем!.. Скворцы, например, прилетят, как сума-

сшедшие, неизвестно откуда, поживут лето и опять улетят. Ласточки тоже, синицы, соловьи — мало ли какой дряни наберётся! Ни одной вообще серьёзной, настоящей птицы... Чуть холодком пахнёт — все и давай удирать куда глаза глядят.

В сущности, Ворона и Канарейка не понимали друг друга. Канарейка не понимала этой жизни на воле, а Ворона не понимала жизни в неволе.

— Неужели вам, тётенька, никто зёрнышка никогда не бросил? — удивлялась Канарейка.— Ну, одного зёрнышка?

— Какая ты глупая... Какие тут зёрнышки? Только и смотри, как бы палкой кто не убил или камнем. Люди очень злы.

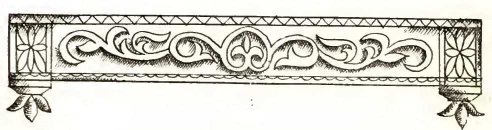
С последним Канарейка никак не могла согласиться, потому что её люди кормили. Может быть, это Вороне так кажется... Впрочем, Канарейке скоро самой пришлось убедиться в людской злости.

Раз Ворона сидела на заборе, как вдруг над самой головой просвистел тяжёлый камень. Шли по улице школьники, увидали на заборе Ворону — как же не запустить в неё камнем?

— Ну что, теперь видела? — спрашивала Ворона, забравшись на крышу.— Все они такие, то есть люди.

— Может быть, вы чем-нибудь досадили им, тётенька?

— Решительно ничем. Просто так злятся. Они меня все ненавидят.

Канарейке сделалось жаль бедную Ворону, которую никто-никто не любил. Ведь так и жить нельзя.

Врагов вообще было достаточно. Например, кот Васька... Какими масляными глазами он поглядывал на всех птичек, притворялся спящим, и Канарейка видела собственными глазами, как он схватил маленького неопытного воробышка,— только косточки захрустели, а пёрышки полетели... Ух, страшно! Потом ястреба — тоже хороши: плавает в воздухе, а потом камнем и падает на какую-нибудь неосторожную птичку. Канарейка тоже видела, как ястреб тащил цыплёнка. Впрочем, Ворона не боялась ни кошек, ни ястребов и даже сама была непрочь полакомиться маленькой птичкой. Сначала Канарейка этому не верила, пока не убедилась собственными глазами.

Раз она увидела, как воробьи целой стаей гнались за Вороной. Летят, пищат, трещат... Канарейка страшно испугалась и спряталась в гнезде.

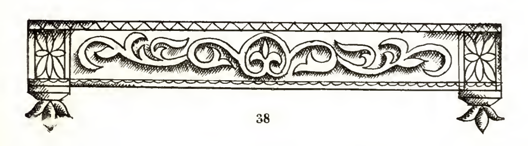
— Отдай, отдай! — неистово пищали воробьи, летая над вороньим гнездом. — Что же это такое? Это разбой!

Ворона шмыгнула в своё гнездо, и Канарейка с ужасом увидела, что она принесла в когтях мёртвого, окровавленного воробышка.

— Тётенька, что вы делаете?

— Молчи! — прошипела Ворона.

У неё глаза были страшные, так и светятся... Канарейка за-

крыла глаза от страха, чтобы не видеть, как Ворона будет рвать несчастного воробышка.

«Ведь так она и меня когда-нибудь съест»,— думала Канарейка.

Но Ворона, закусив, делалась каждый раз добрее. Вычистит нос, усядется поудобнее куда-нибудь на сук и сладко дремлет. Вообще, как заметила Канарейка, тётенька была страшно прожорлива и не брезговала ничем. То корочку хлеба тащит, то кусочек гнилого мяса, то какие-то объедки, которые разыскивала на помойных ямах. Последнее было любимым занятием Вороны, и Канарейка никак не могла понять, что за удовольствие копаться в помойной яме. Впрочем, и обвинять Ворону было трудно: она съедала каждый день столько, сколько не съели бы двадцать канареек. И вся забота у Вороны была только об еде... Усядется куда-нибудь на крышу и высматривает.

Когда Вороне было лень самой отыскивать пищу, она пускалась на хитрости. Увидит, что воробьи что-нибудь теребят, сейчас и бросится. Будто летит мимо, а сама орёт во всё горло:

— Ах, некогда мне... Совсем некогда!..

Подлетит, сцапает добычу, и была такова.

— Ведь это нехорошо, тётенька, отнимать у других,— заметила однажды возмущённая Канарейка.

— Нехорошо? А если я постоянно есть хочу?

— И другие тоже хотят...

— Ну, другие сами о себе позаботятся. Это ведь вас, неженок, по клеткам всех кормят, а мы всё сами должны добывать себе. Да и так, много ли тебе или воробью нужно?.. Поклевала зёрнышек и сыта на целый день.

Лето промелькнуло незаметно. Солнце сделалось точно холоднее, а день — короче. Начались дожди, подул холодный ветер. Канарейка чувствовала себя самой несчастной птицей, особенно когда шёл дождь. А Ворона точно ничего не замечала.

— Что ж из того, что идёт дождь? — удивлялась она.— Идёт-идёт и перестанет.

— Да ведь холодно, тётенька! Ах, как холодно!..

Особенно скверно бывало по ночам. Мокрая Канарейка вся дрожала, а Ворона ещё сердится:

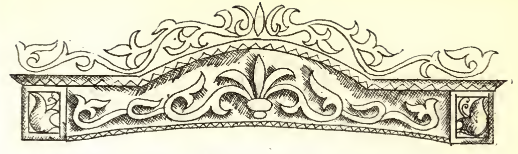
— Вот неженка! То ли ещё будет, когда ударит холод и пойдёт снег.

Вороне делалось даже обидно. Какая же это птица, если и дождя, и ветра, и холода боится? Ведь так и жить нельзя на белом свете.

Она опять стала сомневаться, что уж птица ли эта Канарейка. Наверно, только притворяется птицей...

— Право, я самая настоящая птица, тётенька,— уверяла Канарейка со слезами на глазах.— Только мне бывает холодно...

— То-то, смотри! А мне всё кажется, что ты только притворяешься птицей.

— Нет, право, не притворяюсь.

Иногда Канарейка крепко задумывалась о своей судьбе. Пожалуй, лучше было бы оставаться в клетке... Там и тепло и сытно.

Она даже несколько раз подлетала к тому окну, на котором стояла родная клетка. Там уже сидели две новые канарейки и завидовали ей.

— Ах, как холодно! — жалобно пищала зябнувшая Канарейка.— Пустите меня домой.

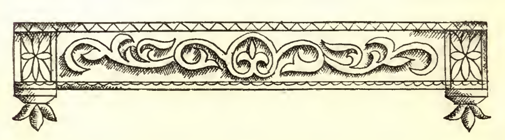
Раз утром, когда Канарейка выглянула из вороньего гнезда, её поразила унылая картина: земля за ночь покрылась первым снегом, точно саваном. Всё было кругом белое. А главное — снег покрыл все те зёрнышки, которыми питалась Канарейка. Оставалась рябина, но она не могла есть эту кислую ягоду. Ворона — та сидит, клюёт рябину да похваливает:

— Ах, хорошая ягода!

Поголодав два дня, Канарейка пришла в отчаяние. Что же дальше-то будет? Этак можно и с голоду умереть.

Сидит Канарейка и горюет. А тут видит — прибежали в сад те самые школьники, которые бросали в Ворону камнем, разостлали на земле сетку, посыпали вкусного льняного семени и убежали.

— Да они совсем не злые, эти мальчики,— обрадовалась

Канарейка, поглядывая на раскинутую сеть.— Тётенька, мальчики мне корму принесли!

— Хорош корм, нечего сказать! — заворчала Ворона.— Ты и не думай совать нос... Слышишь? Как только начнёшь клевать зёрнышки, так и попадёшь в сетку.

— А потом что будет?

— А потом опять в клетку посадят.

Взяло раздумье Канарейку — и поесть хочется, и в клетку не хочется. Конечно, и холодно и голодно, а всё-таки на воле жить куда лучше, особенно когда не идёт дождь.

Несколько дней крепилась Канарейка, но голод — не тётка, соблазнилась она приманкой и попалась в сетку.

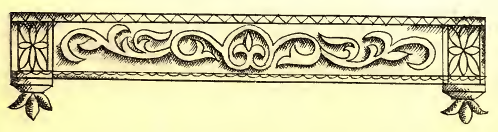
— Батюшки, караул!..— жалобно пищала она.— Никогда больше не буду... Лучше с голоду умереть, чем опять попасть в клетку!

Канарейке теперь казалось, что нет ничего лучше на свете, как воронье гнездо. Ну да, конечно, бывало и холодно и голодно, а всё-таки — полная воля. Куда захотела, туда и полетела... Она даже заплакала. Вот придут мальчики и посадят её опять в клетку...

На её счастье, летела мимо Ворона и увидела, что дело плохо.

— Ах ты глупая! — ворчала она.— Ведь я тебе говорила: не трогай приманки.

— Тётенька, не буду больше...

Ворона прилетела вовремя. Мальчишки уже бежали, чтобы захватить добычу, но Ворона успела разорвать тонкую сетку, и Канарейка опять очутилась на свободе.

Мальчишки долго гонялись за проклятой Вороной, бросали в неё палками и камнями и бранили.

— Ах, как хорошо! — радовалась Канарейка, очутившись опять в своём гнезде.

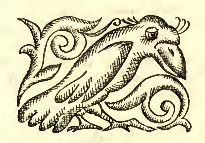
— То-то, хорошо. Смотри у меня! — ворчала Ворона.

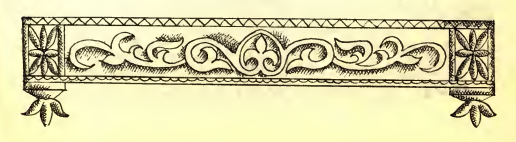
Зажила опять Канарейка в вороньем гнезде и больше не жаловалась ни на холод, ни на голод.

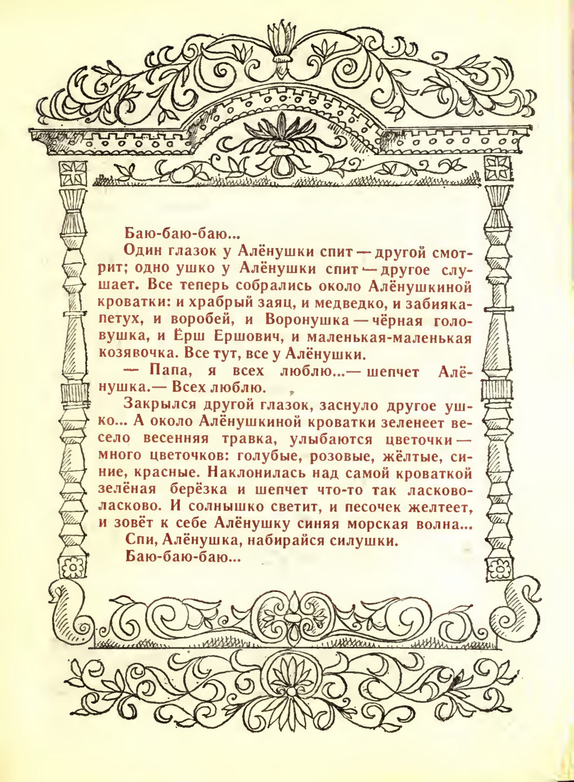
Раз Ворона улетела на добычу, заночевала в поле, а вернулась домой — лежит Канарейка в гнезде ножками вверх.

Сделала Ворона голову набок, посмотрела и сказала:

— Ну ведь говорила я, что это не птица!

Баю-баю-баю...

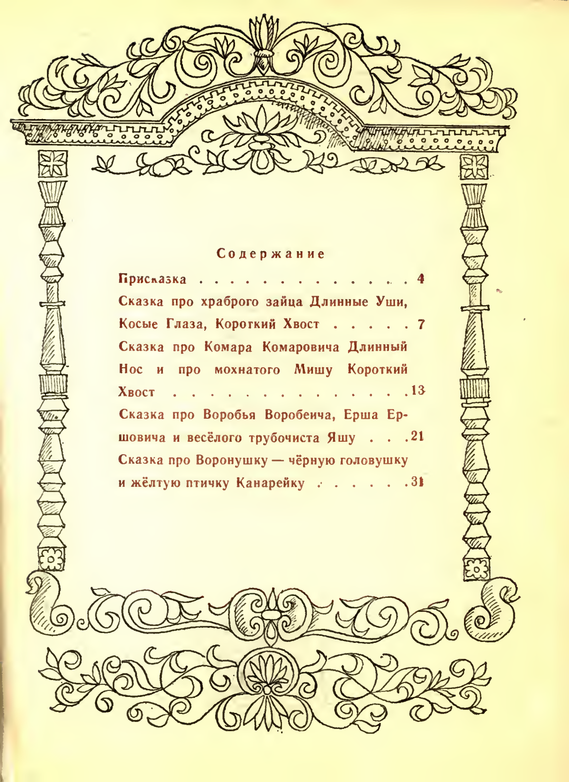
Один глазок у Алёнушки спит — другой смотрит; одно ушко у Алёнушки спит — другое слушает. Все теперь собрались около Алёнушкиной кроватки: и храбрый заяц, и медведко, и забияка-петух, и воробей, и Воронушка — чёрная головушка, и Ёрш Ершович, и маленькая-маленькая козявочка. Все тут, все у Алёнушки.

— Папа, я всех люблю...— шепчет Алёнушка.— Всех люблю.

Закрылся другой глазок, заснуло другое ушко... А около Алёнушкиной кроватки зеленеет весело весенняя травка, улыбаются цветочки — много цветочков: голубые, розовые, жёлтые, синие, красные. Наклонилась над самой кроваткой зелёная берёзка и шепчет что-то так ласково-ласково. И солнышко светит, и песочек желтеет, и зовёт к себе Алёнушку синяя морская волна...

Спи, Алёнушка, набирайся силушки.

Баю-баю-баю...

Содержание

Д. Н. Мамин-Сибиряк.
М22 Алёнушкины сказки. Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1977.
48 с. с илл.
Переиздание сказок для детей приурочено к 125-летию со дня рождения писателя. Оформление художника Н. Казанцевой.

М $\frac{70802 - 091}{M158(03) - 77}$

Для дошкольного возраста

ИБ № 326

**Дмитрий Наркисович
Мамин-Сибиряк**

Алёнушкины сказки

Редактор Н. И. Трубникова
Художественный редактор
Я. И. Черинхов
Технический редактор
Л. М. Голобокова
Корректор Е. В. Иванова

Сдано в набор 14/XII 1976 г. Подписано в печать 15/IV 1977 г. Бумага тип. № 1. Формат 70×90/16. Уч.-изд. л. 3,2. Усл. печ. л. 3,5. Тираж 150 000. Заказ 700. Цена 22 коп. Средне-Уральское книжное издательство, Свердловск, Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий», Свердловск, пр. Ленина, 49.

22 коп.